

Шел спиритический сеанс.

Тень Николая Гумилева явилась на подмостках и произнесла: Сегодня, я вижу, твой взор опечален опять, Особенно тонко поник алебастровый нос. Послушай: вблизи, на Михайловской площади, 5, Нашелся потерянный Пес.

Тень Михаила Кузмина, потеснив Тень Игоря Северянина, выплыла вперед и материализовалась в строках:

Когда мне говорят: «Бродячая Собака»,
Я вижу пламенный зев каминна,
Расписной свод в розах и пташках,
Вина во льду, обилье съестного,—
Короче, все, чего нынче нет.

Спиритический сеанс проходил при большом скоплении народа. Город, еще только готовившийся вернуть свое первоначальное имя, возвращал самому себе одну из легенд—подвал «Бродячая Собака».

За справками — пожалуйста в энциклопедию, за фактами и мемуарами — к любому из фаворитов «серебряного века»: все они бывали тут, в подвальчике со сводами, расписанными Судейкиным, все оставляли автографы в знаменитой «Свиной книге».

«Залай, «Бродячая Собака!» — еще недавно тщетно зывали афиши артистического подвала «Приют комедианта». Потомок знаменитого «Привала комедианта», он, возрожденный (а точнее — рожденный) упорством и талантом Ю. Томошевского, очевидно, чувствовал себя одиноко в петербургском культурном пространстве и, памятью о легендарном собрате, зывал названием одного из спектаклей: «Залай, «Бродячая Собака!»

А она все не лаяла. Сколько помню — много лет шла какая-то вялая борьба за сам подвал во втором дворе на площади Искусств, 5, где когда-то бывали Сологуб, Гиппиус, Тэффи, Бальмонт, Маяковский, Северянин, Хлебников, Ахматова, Мандельштам, Андрей Белый, Блок, Кузмин, Гумилев, etc. и где последние годы плодотворно работала кровельная мастерская и менее плодотворно — бомбоубежище. Отвоевав «Собаку», вывезя тридцать грузовиков мусора из расчищенного подвала, ликвидировав наводнение за три дня до первого открытия, нынешние директора «Собаки» В. Склярский и Е. Колчин позвали гостей.

Тень Федора Сологуба опозтизировала недавний потоп:

У Невского под носом —
Три метра в глубину,—
Качает Пес насосом
Летейскую волну.

Открытие было не лишено мимолетной дискуссионности. Приветствуя «Собаку», В. Арро (не Тень!) с прискорбием отметил, что и мы не те, и «Собака» не та, и «теми», увы, нам стать не дано. Но мы сидели здесь, в легендарном подвале, рядом с пианино, на котором играл Мейерхольд. Да, не было «пламенного зева каминна», но было жарко от огня ламп и общего возбуждения. Не было «вин во льду», но на каждом столике стояло шампанское. Судейкинские росписи советские маляры многократно забелили известкой, и живопись посылает нам теперь свой цвет через трещины и стершиеся в нескольких местах белила. Но там, внутри, она есть! А значит, многое можно домыслить, до-

ЗАЛАЙ, «БРОДЯЧАЯ СОБАКА»!

ощутить. Захотелось возразить В. Арро: мы явно сидели в подвале, хранищем прошлую энергию. Входя сюда, мы улавливаем флюиды той, давней, атмосферы и в чем-то становимся другими.

Надтреснутый, как старая пластинка, голос Т. Кабановой возрождал романсы А. Вертинского, С.-Петербургское товарищество «Комик-трест» представляло фрагмент спектакля «Чушь во фраке», и актеры Н. Фиссон и С. Щербинин дарили «Собаке» живого котенка, дело портил популярный ансамбль «Колибри», пел актер и поэт А. Духовской... Правда, вечер, начавшийся капутником—спиритическим сеансом, где завсегдаги «Бродячей Собаки» обрели голос благодаря блистательному поэтическому, стилизаторскому дару Н. Слепаковой, постепенно шел «на конус», напоминая концерт профессиональной художественной самодельности. А когда в конце вышла совершенно голая позтесса, расписанная с головы до ног кистью художника, пренебрегающего, как видно, холстом или картоном,—я вынуждена была признать правоту Арро.

Тень Велимира Хлебникова играчествовала и игрунятичала со словом «собака»:

О, собачься, Собачёны!

Что собишьсья собама,

Что собальствуешь собально!

Не собирия собака — особняк не соблазнит!

Собность, особённость —

Вовсе не собственность!

Собаচারы и в подвале на собратьев рассобачь!

Было б собрание

И событулие!

Тень Анны Ахматовой, самая молодая из всех, печалилась: Дорогие, я в царстве теней.

Но без страхов и без смятений

Темный голос услышьте мой.

Пусть он будет вам вместо знака,

Что мы знаем — жива «Собака»,

Хоть бродячая, но, однако,

Воротившаяся домой.

Теперь, когда мне говорят: «Бродячая Собака», я вижу двор с трехъярусной застекленной галереей, за которой — старые коммуналки, помойка и тесный второй дворик. Когда мне говорят: «Бродячая Собака», я вижу подвал, где ломают очередную стенку, освобождая место для «Нью-Собаки». Здесь можно будет посидеть за кофе, показать себя и что-нибудь посмотреть. Директора с осторожностью выбирают круг общения и планируют использовать старую «Собаку» как место для настоящего искусства. Только бы! Чуть-чуть посвященная в планы «Собаки», я даже знаю, кто из замечательных художников и писателей претендует на роль собаки этого двора, кто хочет «одушевить» это пространство своим постоянным творческим присутствием. Но не стану пока выдавать секретов: откопанная из-под обломков, «Бродячая Собака» только подает первые признаки жизни.

Марина ДМИТРЕВСКАЯ,

активно поддерживаемая текстами Н. Слепаковой.

Фото Э. Морозовой и А. Каратецкого.

Здрав и смирн -